

Бровиков, Г. Месяц немецкой оккупации / Г. Бровиков // Богородицкие вести. - 1992. - 13 декабря.

Воспоминания очевидца событий, который в юношеском возрасте был свидетелем оккупации фашистами деревни Павловка Богородицкого района.

К 50-летию освобождения г. Богородицка и района

МЕСЯЦ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

ДОМАШНЕЕ СОЧИНЕНИЕ УЧЕНИКА 10 «Б» КЛАССА

Мне на всю жизнь запомнится 17 ноября 1941 года. Этот день был непохож на все предыдущие. Даже светило солнце, и был небольшой морозец. Мы проживали в школе. В первом часу дня мать, случайно глянув в окно, увидела много людей в зеленых шинелях, шедших со стороны сахаровода. Впереди ехала легковая автомашина. Это фашистские войска вступили в деревню Павловку.

Я никогда не думал, что немцы в первую очередь ворвутся в школу. Однако оказалось иначе. Послышался громкий стук в дверь, которая была заперта на крючок. Я поспешил открыть. В кухню вошел худой и высокий немец и, сказав на очень дурном языке: «Тут отдыхай драй офицер», вышел. После этого в комнату стали заходить много солдат и офицеров, требовавших то молока, то сахара, то меда. Так как этого ничего у нас не было, они ругались, уходили. Наконец, вошли три офицера, о которых, очевидно, говорил худой немец, и прошли в другую комнату. Отец, мать и я остались в кухне. Один из офицеров на домашнем русском языке крикнул из комнаты, чтобы мы затопили печь. Мы это сделали. Офицеры вышли в кухню, поставили стулья и сели у огня. Один из гитлеровцев, который был, кажется, самым главным, запечатлелся в моей памяти. Он был среднего роста, с черными волосами, бритым лицом. Глаза его ничего не выражали. Но этот немец счи-

тал себя наверняка остроумным человеком и весельчаком. Он подозвал меня к себе и сказал: «Большевик капут! Комсомол капут!» Два других офицера захохотали. И далее, показывая свои познания в русском языке, сказал, указывая на лежанку: «Руссиш культура плохо. Германия газ, электриш». Затем спросил: «Мы говорим руссиш каршоф?», «Зер гут». — ответил я и вышел в коридор.

К 8 часам вечера фашистские офицеры легли спать в наши постели. Мы собрали всякое тряпье, легли, но так не уснули всю ночь. А рано утром все фашисты покинули Павловку. После их ухода вся деревня облегченно вздохнула. Ко мне пришел товарищ. Он рассказал, что, как только в Павловку вступили немцы, начался самый настоящий грабёж. В их семье резали двух кур, а у сирота Козловых резали свинью. Кур резали во всех домах. Придут: «Русс! Куры». Пришли к одному колхознику за гусем. Он сказал, что гусей у него нет. Но тут, как нарочно, гусь и заготовал. Немец закричал: «Русс партизан! Капут! Пук-пук-пук!», а сам на револьвер показывает. Испугался колхозник и двух последних гусей отдал.

До 3-х часов 18 ноября ни одного немца в Павловке

не было. Но вот снова показались люди, повозки, автомашины. Теперь людей было значительно больше. К школе подошли два немца и на нашей двери написали: «Штаб».

Из классов начали выносить мебель: столы, парты, стулья, рубить их и топить ими печь. Пришел переводчик и сказал, чтобы мы немедленно убирались отсюда. Мы пошли искать себе ночлег на деревне. Долго не могли найти, так как в каждом доме было поставлено по 4—5 солдат. В избушку, грязную и холодную, не занятую немцами, нас пустили переночевать. Хозяин угостил нас ужином, который состоял из крошки хлеба, картошки и кружки молока, и уложил нас спать на соломе. Долго мы не могли уснуть из-за клопов, но первая бессонная ночь взяла свое, и мы часам к 11 заснули как убитые.

Проснувшись часов в 7 утра, мы вторым поспешили к школе, в которой немцев уже не было. Недалеко от прогона полк уже выстроился к походу. Один из командиров говорил что-то вразумительным голосом. В ответ солдаты рвели: «Гох! Москва!».

Отец, мать и я вошли в свою комнату. Первое, что нам бросилось в глаза, — это книги, разбросанные в беспорядке по полу. На

кроватях не было ни одного одеяла. Немцы не побрезговали тремя полотенцами, 4 кг ржаной муки и даже 4-ми стаканами. В столе лежало 2 кг мяса, вместо которого на столе валялись кости. Пока мы привели комнату в порядок, полк гитлеровцев ушел. После ухода полка дни потянулись однообразно. Одна часть уезжала, другая — приезжала, и требовали выставлялись одни и те же: «Мясо, яйца, молоко, сало» и т.д. Доходили до нас нерадостные вести из Богородицка и рудника о расправах фашистов. Были казнены районные работники Тадонов, Курочкин, Навольнев, а также ребята поселка, отец и сын Смирновы, несовершеннолетние парни Н. Абрамов, И. Мурзин, А. Жерздев и другие.

Сведений о положении на фронтах мы не получали, жизнь становилась все мрачнее. Поэтому было очень приятно, когда я нашел недалеко от дома листовку, сброшенную очевидно с советского самолета. «Дорогие братья и сестры! — говорилось в ней. — С великой радостью мы спешим сообщить вам, что наша Красная Армия перешла в наступление. Мы уже освободили Ростов-на-Дону и во друзья над ним победоносное советское Красное знамя.

Под Ростовом разгромле-

на подостью хваленая группировка гитлеровского генерала фон Клейста опора германской армии на Южном фронте».

Как бы подтверждением слов листовки стала слышнее артиллерийская стрельба и заметное движение немецких машин и обозов в обратном направлении. В ночь на 13 декабря немцы подожгли деревню Суходол и другие.

«Утром 13 декабря фашисты ворвались в Павловку и начали устанавливать около домов орудия и минометы. Они же пригнали из Суходола и других деревень скот и мирное мужское население. Мужское население немцы загнали вместе со скотом в конюшню с худой крышей. Пищи никакой не давали. Испуганное мужское население Павловки стало прятаться в погребах. В школу пришел переводчик и потребовал, чтобы мы оставили помещение школы. Мы хотели перенести часть вещей в избу, куда мы с большим трудом определились, но солдаты к школе не подпустили.

В ночь на 14 декабря было невозможно спать. Грохали пушки, рвались где-то близко снаряды. Утром солдаты бежали по деревне, проезжали автомашины и автоцистерны. Но вот наступила ночь на 15 декабря. Была сильная вы-

а. Я посмотрел из окошка. Вокруг было зарево пожара. Но вот содрогнулась земля. Выстрелили из пушки немцы. Потом опять и опять. Вдали слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Начала отвечать советская артиллерия. Красная Армия подходила все ближе. Пушки и минометы фашистов стреляли не смолкая. Колхозники ночью, чтобы не видели фашисты, стали закапывать в снег свое добро. Началось движение по улице. Фашисты сдвинулись в машины и покидали Павловку. Утром, когда рассвело, в Павловке их осталось немного. Это были поджигатели. Они сразу же принялись за свое гнусное дело. Но наступающие части Красной Армии мешали это делать фашистам. Они подожгли несколько домов в разных местах, дым окутал Павловку, население погнало скот в овраги. Наступающие войска генерала Годикова на санках и верховых лошадях вступили в нашу деревню.

Я побежал к школе узнать, цел ли она. Но школу влопыхах съечь не успели, хотя большая часть имущества была сожжена. Отступая, фашисты утащили с собой мужское население Суходола и других деревень. Так закончился месяц немецкой оккупации. Радость и гостеприимство земляков, встретивших своих освободителей, трудно передать. Но войны Красной Армии, не задерживаясь, продолжали преследовать немцев.

Г. БРОВИКОВ.